ДАНИЛА КАПШУК

ЧУЖОЙ АСФАЛЬТ

КАЗАНЬ · 1982–1986.

Данила Капшук
Чужой Асфальт

https://litres.ru/74769373
SelfPub; 2026

Аннотация

Казань, 1982 год. Костя Миронов переезжает из Перми: отца перевели на новую работу. По дороге из школы его останавливают у гаражей. «Ты чей?» — спрашивает один из парней. Костя ещё думает, что речь о фамилии.

После избиения отец ведёт его в школу. Учительница просит Костю повторить, что случилось, при парне, которого он узнал. Костя говорит, что мог перепутать. Потом за него вступаются ребята из собственного двора. Впервые за месяц он спокойно доходит до школы. Через неделю ему говорят, что вечером его ждут на сборе.

Четыре года спустя младший школьник просит у Кости совета: его тоже зовут на сбор, а он боится идти. «Сходи один раз, — говорит Костя. — Посмотрят на тебя и отстанут».

Данила Капшук
Чужой Асфальт

Глава 1

Новый адрес

Август 1982 года

В день отъезда отец забыл отвязать санки от трубы в подвале. Вспомнил уже на вокзале. Сказал об этом так, будто санки догонят нас следующим поездом, и долго смотрел на выход с платформы.

— Пусть Витьке останутся, — ответила мать.

Витька жил над нами. Когда мы были маленькими, он провалился между полозьями этих санок, а я, ничего не заметив, вёз его до самых гаражей. С тех пор он соглашался садиться, только если ему разрешали смотреть назад. Утром он пришёл проститься, сунул мне в руку катушку из-под ниток и попросил вернуть, если я передумаю уезжать. Я спросил, зачем мне пустая катушка. Он сказал, что вообще-то на ней была леска. Потом посмотрел на неё у меня в руке и сам удивился.

Вагон подали без десяти четыре. Отец два раза спросил проводницу, куда поставить ящик. Она два раза ответила, что ящика в купе быть не должно. Ящик был с инструментами, тяжёлый. Отец обещал сдать его в багаж, но не хотел, чтобы тот приехал через неделю. В новом отделе ему сказали, что инструментов хватит своих. Когда я спросил, зачем он тогда взял ящик, он ответил, что новые сотрудники разные бывают: один ничего не приносит, другой вечно хо-

дит выручать первого. Потом проводница заглянула внутрь и спросила, найдётся ли там отвёртка. Мы положили ящик под раковину в её купе. До Казани отец три раза ходил проверять, на месте ли.

За окном сперва тянулись места, где мы уже ездили. Я знал заводскую трубу, за которой только что свернули, знал дачи возле платформы и то место, где дорога делает крюк, чтобы объехать овраг. Потом мать попросила меня подвинуться, сама довольно долго смотрела в окно и спросила, проехали ли уже дачи. Я сказал, что давно. У неё на коленях лежала сумка с бутербродами. Она ушила ручки так, что сумку можно было держать ближе к телу, и всю дорогу держала именно так, хотя кроме бутербродов в ней были полотенце и яблоки.

— Ты по работе давно согласился? — спросила она отца.

Он развернул газету сперва к ней, потом обратно к себе. Между страницами стояла дата, вырезанная для заметки в стенгазету. В последний день в отделе его попросили проверить номер выпуска. Газету он так и унёс с собой.

— После того как они сказали про квартиру.

— Я спрашиваю, давно?

Отец сказал, что звонили ещё до майских, но разговора тогда толком не вышло. Кто-то рядом с ним резал металл, по телефону он разобрал только фамилию начальника. Когда от него потребовали ответ, он попросил обещание про жильё в письменном виде. Ему обещание дали. Мать прижала паль-

цем шов на сумке и сказала, что тоже попросит в письменном виде, если в ателье ей снова предложат сначала поработать, а потом решать с разрядом.

У неё ещё не было работы в Казани. Места, куда предлагали сходить, она записала на обороте рецепта. К одному адресу приписала «спросить Ларису». Имени этого я прежде не слышал. Мать сказала, что Лариса училась с ней шить и однажды просила передать ей два мотка зелёной нитки. Это было до того, как я родился. Я спросил, как она найдёт женщину, если видела её так давно. Она ответила, что всё ещё знает её фамилию и что у нас есть целый город, чтобы спрашивать.

Вечером отец нарезал хлеб на газете. Газету положил выпуском вниз, будто номер мог отпечататься на столике. Из соседнего купе пришёл мужчина и попросил соли. Мать развязала угол бумажного пакетика. Мужчину звали Талгат. Он возвращался домой с лечения, ехал один и носил в зубах очки всякий раз, когда нужно было что-то взять двумя руками. Мать спросила у него про улицу Жданова. Он объяснил, как дойти от остановки, тут же переспросил номер и долго рисовал на газете перекрёсток.

— Ребёнка в какую школу? — спросил он.

Мать сказала, что скажут, когда придём с документами.

Талгат перевёл взгляд на меня.

— Ты из школы домой сразу будешь ходить? Мать на работе?

Я удивился, что это его интересует. Мать сказала, что она ещё неизвестно где будет. Талгат кивнул, обвёл на газете поворот и сказал, что отсюда до дома совсем близко. Когда мы раскладывали постели, газету пришлось сложить по рисунку. Я сунул её в карман. Отец утром спросил, куда делась его стенгазета. Я показал ему карту. Он разглядел поворот и прочитал дату вслух. Потом сказал, что теперь можно использовать с обеих сторон.

Ночью я лежал на верхней полке и слушал, как отец спускает ноги на пол. Каждый раз думал, что он идёт за ящиком. В третий раз я посмотрел вниз. Он сидел на краю полки, босиком, и держал двумя руками конверт. В нём были ключи. Он несколько раз пересчитал их и отложил один комплект к моей одежде. Я проснулся на подъезде к Казани. Ключи теперь лежали под рубашкой, но выпирали, и я уже знал, что лежит рядом.

— Этот возьми, — сказал отец, когда состав остановился. — Если мы задержимся, сам дойдёшь.

Мать спросила, почему он так уверен, что квартира откроется. Отец ответил, что ездил смотреть: в комнате уже покрасили пол. Я надел рубашку и долго не мог решить, в какой карман положить ключи. Спустился с поезда не выпуская их из кулака.

* * *

Сентябрь 1982 года

В классном журнале напротив моей фамилии учительни-

ца записала адрес карандашом. Спросила, надолго ли мы приехали.

— Насовсем, — сказал я.

Она стёрла карандаш и написала ручкой.

На большой перемене мальчик с передней парты взял мой портфель. Подержал за ручку, как будто проверял, тяжёлый ли, и поставил обратно.

— Ты на Жданова живёшь?

Я обрадовался. В старой школе у нас трое из класса жили в одном доме, и мы всегда ходили вместе.

— А ты тоже?

— Номер дома какой?

Я сказал.

— А ходишь с кем?

Я ответил, что отец сегодня встретит. Мальчик посмотрел на меня, потом на портфель.

— Сегодня ладно, — сказал он.

Отец действительно встретил меня после уроков. У него был свёрток с двумя пирожками, и мой он нёс отдельно, потому что знал, что я не люблю с капустой.

По дороге я спросил, сможет ли он завтра тоже прийти.

— Завтра до вечера на работе, Кость. А ты дорогу уже знаешь.

До моего тринадцатилетия оставалось три недели. Я прикинул, что к тому времени уже смогу с закрытыми глазами дойти до дома. Я доел пирожок и засунул бумагу в карман.

Там уже лежала записка с нашим адресом. Мать написала её утром на случай, если я заблужусь.

Квартира на Жданова была наша с конца августа. В ней ещё пахло краской, которой покрасили пол перед нашим въездом. Если оставить стул у окна на ночь, к утру ножки прилипали. Отец говорил, что краску положили толстым слоем. Мать стелила под стулья листы газеты, и в воскресенье, когда мы убрали их, на полу остались перевёрнутые буквы.

Отец работал инженером. В Перми его знали даже в проходной. Здесь он первую неделю носил временный пропуск и возвращался домой с бумагами под мышкой. За ужином мать спрашивала, привык ли он. Он говорил, что дали бы посмотреть чертёж до перевода, он бы ещё подумал. Потом смеялся, и я никак не мог решить, говорит он всерьёз или утешает маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.